

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

2008

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. А. Горелов. Лев Толстой и народное слово	3
Н. В. Лощинская. «Жизнь — без начала и конца...»: проблема «авторской воли» и практика академического издания лирики А. Блока	13
А. М. Подоксенов. Психоанализ Зигмунда Фрейда в жизни, мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина	36

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

А. Г. Бобров. «Заколдованный круг» (о книге А. А. Зиминой «Слово о полку Игореве»)	65
--	----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Т. Р. Руди. Из комментария к рассказу Н. С. Лескова «Александрит»	119
О. Л. Фетисенко. К. Леонтьев и Ив. Аксаков о двух типах христианства	129
Материалы к биографии И. А. Гончарова (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Романовой)	140
Экспедиция А. В. Маркова на Зимний берег Белого моря 1899 года: письма из архива ученого (публикация Н. Г. Комелиной)	163
Ю. В. Розанов. «Северная химера» Алексея Ремизова: генезис и эволюция образа	174
Из переписки редакции «Журнала Содружества» (1933—1938) с В. П. Семеновым-Тянь-Шанским (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии А. Г. Тимофеева)	184

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

© Р. Ю. Данилевский

СОВРЕМЕННОСТЬ В. А. ЖУКОВСКОГО

(О СБОРНИКЕ РАБОТ К ЮБИЛЕЮ ПРОФ. Ф. З. КАНУНОВОЙ)*

Томская филологическая школа, которая приобрела отчетливые черты в конце 1970-х и в 1980-е годы, выделяется каким-то особенным, неистовым академизмом, строго охраняющим свои границы от идеологического и конъюнктурного вторжения. На кафедре русской и зарубежной литературы Томского университета стремятся хранить устои российской академической филологии. Они предусматривают полное погружение исследователя в конкретный материал и затем уже возможность обобщений на прочном историко-литературном фундаменте. Этот метод, восходящий к школе А. Н. Веселовского, Б. М. Эйхенбаума, П. Н. Беркова, М. П. Алексеева и других по преимуществу петербургских (ленинградских) ученых, ныне, к сожалению, постепенно утрачивается под напором новейших культурологических тенденций. В Томске, к счастью, лучше нас берегут эту традицию, и она все еще способна приносить хорошие плоды.

Самый впечатляющий результат работы томских коллег — формирование особого раздела современной литературной науки, раздела, который (да простится нам неологизм!) можно было бы назвать жуковсковедением. Издано научное, аналитическое описание библиотеки В. А. Жуковского, значительная часть которой хранится в Томском университете. Выходит в свет полное собрание сочинений поэта. Почти регулярно появляются новые статьи и монографии, сопутствующие работе над сочинениями и письмами Жуковского.¹ К этому ряду относятся и рецензируемый сборник.

Он посвящен Жуковскому, и вместе с тем это одно из изданий, выходом которого отмечается юбилей ведущего ученого томской школы, члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки, проф. Ф. З. Кануновой, ученицы Б. М. Эйхенбаума и Г. А. Жуковского. Название сборника поначалу кажется не совсем удачным, ибо понятие «времен» многозначно и текуче. Но, ознакомившись с книгой, читатель сможет убедиться в том, что оно имеет право на существование.

Книга состоит из трех десятков статей и публикаций. Все они небольшого объема, но

чрезвычайно емки, каждая освещает какую-либо сторону личности и творчества Жуковского. Не перечисляя вклады всех участников издания, попытаемся выделить из его материалов основные «линии», которые можно заметить при сквозном прочтении книги.

В первую очередь — и это видно довольно отчетливо — Жуковский рассматривается как человек, как личность. Все русские поэты были несомненно крупными личностями — иначе и быть не могло! Однако события их частного существования заслоняло от читателей их творчество. Иногда, правда, они трагически прорывались сквозь страницы газет, журналов и книг — вспомним хотя бы Пушкина, не говоря уже о множестве других литераторов вплоть до наших дней.

Жуковский, чья судьба, как известно, не была легкой, хотя в ней не происходило ничего такого, что могло бы потрясти общество, также остался в памяти потомства не только как стихотворец. Но причина этого у него своя. Как и у Н. М. Карамзина, его предшественника и учителя в литературе, жизнь Жуковского — это гражданский подвиг — скромный в том смысле, что свои благие дела он не афишировал публично и даже был почти забыт как живой человек, почти исчезнув за «пленительной сладостью» стиховой мелодики.

Как мастер и даже гений перевода, Жуковский рано стал вызывать нарекания из-за неточностей и вольностей при передаче по-русски чужих произведений. Как поэт чувствительно-романтического мировосприятия, он был в эпоху позитивизма и реализма, а затем и в советское время «завдвинут» в задние ряды истории литературы, несмотря на то что несколько поколений его критиков сами выросли на его балладах. Тем не менее, хотя бы в отношении к Пушкину, декабристам, к судьбе Т. Шевченко, твердым оставалось мнение, что поэт был хорошим, благородным и принципиальным человеком. Теперь мы знаем об этом не только в косвенной связи с другими темами, но и в прямой связи с жизнью и творчеством самого Жуковского. И в этом немалая заслуга томских исследователей.

Интервью Ф. З. Кануновой, открывающее томский сборник, посвящено характеристике научной школы и последним работам коллег по изучению и изданию сочинений Жуковского. Но там есть ясные слова, которые выдвигают вперед именно *человеческую* тему. «Дневники и письма Жуковского», — говорит профессор, — богатейший материал замечательного русского писателя, историка и пропагандиста русской литературы,

* Жуковский и время: Сб. статей / Ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. Изд-во Томского ун-та, 2007. 360 с. (Русская классика: Исследования и материалы; Вып. 4).

¹ См.: Канунова Ф. З., Прозоров Ю. М. В. А. Жуковский в исследованиях и изданиях томской филологической школы // Русская литература. 2008. № 1. С. 263—269.

гуманиста-просветителя, озабоченного судьбами России, ее национальной культуры, и просто доброго, сердечного человека, стремящегося помогать окружающим его людям» (с. 8).

Тема «Жуковский как личность» проходит красной нитью едва ли не через все материалы книги. Н. Д. Кочеткова, анализируя в своей статье (с. 21—28) переводы героиды англичанина А. Попа «Элоиза к Абеляру», сделанные М. Херасковым и В. Жуковским, среди тонких замечаний о переводческом искусстве обоих поэтов, а также об увековеченном этим произведением Андрее Тургенева, кумире юности Жуковского, не преминула отметить, что и А. Тургенев, и В. Жуковский вдохновлялись человеческим содержанием героиды. Перевод отражал, говоря словами А. Веселовского, «биографию сердца» Жуковского (см. с. 24).

Сопоставление стихотворения Жуковского «К поэзии» с «Поэзией» Карамзина приводит автора другой статьи, О. Б. Кафанову, по сути дела к сходному выводу. Продолжая борьбу Карамзина-поэта с «одическим каноном» классицизма, Жуковский, по ее словам, «„одомашнивает“ каноническую форму, наделяет ее интимными интонациями» (с. 38). Стих из карамзинской «Поэзии», который процитирован в начале статьи, — «Узрев собор красот и *чувствуя себя*» — отражает ведь не только философский сенсуализм — это подсказка Жуковскому, который в своем стихотворении будет говорить о поэтах — «друзьях души моей».

«Всю эмпирику частного существования Жуковский оставлял дневникам, которые вел на протяжении всей жизни, а этико-эстетический экстракт его, лишенный бытовой детализации и возведенный в символическое достоинство, выносился на суд публики» (с. 57). Это слова из статьи В. С. Киселева «Интимно-дневниковые формы циклизации в „Вестнике Европы“ В. А. Жуковского 1808—1809 гг.» (с. 49—61), написанной на материале журнальной деятельности поэта и подтверждающей мысль о лиризме как принципе его творчества.

Даже на очень частных темах, таких, например, как образы птиц (статья Н. Ж. Ветшевой «„Опять вы, птички, прилетели...“: Орнитологический текст В. А. Жуковского (на материале лирики)», с. 107—117), видно, как тянутся к понятию души, «дематериализуются» (с. 114) в поэзии Жуковского любые образы реальности.

Проф. А. С. Янушкевич подробно прослеживает другую тему — тему гор, горных пейзажей, «горной философии» у Жуковского, Лермонтова и Тютчева (с. 133—161). В этой связи он обращается к понятию «географии русской души», предложенному в свое время Н. Бердяевым. Разумеется, тема гор в русской поэзии не сводится к теме личности. И все-таки горы — это у Жуковского преимущественно, так сказать, ландшафт души — как в «Заратустре» Ф. Ницше.

В блестяще написанном этюде «Жуковский и Гуковский» (с. 203—208) харьковский пушкиновед Л. Г. Фризман предлагает читателю в качестве смыслового зерна следующий вывод Г. А. Гуковского о русском поэте: «...стиль Жуковского в своем психологическом идеализме поставил во главу мира человека, личность — и это была борьба за свободное — хотя бы в идее — человека» (с. 205).

Местом Жуковского в русской литературе первой половины XIX века заново переосмысливается в статье Л. Н. Киселевой (с. 209—216). Это напрямую связано с ренессансом изучения его наследия, принесенным томской школой, и само по себе свидетельствует о значительности роли поэта в истории русской литературы. И все же с вопросом о религиозности Жуковского, который является частью ревизии прежних взглядов на его творчество, следовало бы обходиться крайне осторожно. Христианство и литература — материя модная и потому таит в себе опасность огрубления тончайшей и интимнейшей духовной стихии. Не стоило бы прикладывать к Жуковскому, словно лекало, «каноны православия», как это, по-видимому, делает автор. Не случайно церковная цензура с подозрением отнеслась к размышлениям поэта на религиозную тему (см. с. 214). Христианская культура часто входит в противоречие с каноном, не утрачивая своего христианского гуманизма. И Жуковский здесь не исключение (при всей его глубокой религиозности).

В разделе «Материалы. Публикации» хотелось бы, среди прочих заслуживающих интереса материалов, отметить публикацию знаменитого сочинения М. Мендельсона «О бессмертии души» в переводе Жуковского (с. 292—318). История и все обстоятельства создания перевода, детально сообщаемые публикатором О. Б. Лебедевой, желательнее было бы дополнить хотя бы кратким историко-философским анализом самого текста. Это помогло бы лучше представить себе, каких глубин философии и психологии коснулись немецко-еврейский философ и его русский христианин-переводчик. Заметим, что обнаружение в оригинале Мендельсона христианских идей кажется не вполне убедительным: это идеи немецкого Просвещения, к христианству имеющие лишь косвенное отношение. Но это частность по сравнению с ценностью публикации.

Возвращаясь к общей задаче сборника, подчеркнем очевидное — речь идет о специфике русского романтизма и о Жуковском как поэте-романтике. Это вторая «линия», пронизывающая всю книгу. На поверхность лежит мысль о национальном своеобразии русского романтизма, независимо даже от того, согласны ли мы принять индивидуальный стиль Жуковского за романтизм. Последнее — позволим себе напомнить — отнюдь не бесспорно. После классической кни-

ги А. Н. Веселовского «Поэзия чувства и „сердечного воображения”» стало явным существенным отличием того, что в России называли романтизмом, от романтизма, например, немецкого. На наш взгляд, различие коренится именно в личности Жуковского, коль скоро он создатель и носитель русского романтического сознания. Философия превратилась у него в богатейший мир эмоций, личных чувств, а романтическое устремление в мир идеала и фантазии раскрыло себя как стремление к счастью. Эту качественную русификацию романтизма, сделавшую обще-

европейское явление настолько национальным, что оно во многом утратило сходство с «прародиной», помогают осознать материалы томского сборника.

Что касается понятия «времени», то совершенно ясно, что речь идет о современности. Можно было бы назвать сборник «Жуковский и наше время», потому что изучение творчества Жуковского в Томске хотелось бы рассматривать как один из симптомов зарождения в современной русской культуре нового интереса к Человеку как наивысшей ценности бытия.

© Т. Г. Иванова

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В СТРАНАХ БАЛТИИ*

Предметом нашей рецензии являются три сборника текстов русского фольклора, подготовленных видным фольклористом, профессором Вильнюсского педагогического университета Ю. А. Новиковым. Книги отражают традиционную духовную культуру русского старожилого населения Литвы и Эстонии. Названные издания, на наш взгляд, очень точно отвечают тем вызовам, как сейчас принято говорить, которые формулирует современная историко-культурная ситуация.

Во-первых, рецензируемые книги в очередной раз, вопреки многочисленным пессимистическим заявлениям, доказывают плодотворность полявых экспедиционной работы во второй половине XX—начале XXI века. Планомерная запись русского фольклора на территории современной Литвы, как показал Ю. А. Новиков во вступительных статьях к сборникам «По заветам старины» и «Фольклор старообрядцев Литвы», началась лишь в 1960-е годы, когда в вузовские программы была включена фольклорная практика. Как известно, это уже был период затухания классической фольклорной традиции. Тем не

менее систематическая и целенаправленная работа Вильнюсского университета, которой руководила Н. К. Митропольская, позволила за четверть века зафиксировать более 60 тысяч произведений разных жанров. Фольклорный кружок Вильнюсского педагогического института (ныне Педагогический университет), возглавляемый составителем рассматриваемых книг, также на протяжении многих лет успешно работает в русских деревнях Литвы. С 1996 года ежегодные комплексные экспедиции проводит Ассоциация исследователей старообрядцев Литвы.

Сборник «По заветам старины» сформирован в основном по материалам, собранным в самом конце XX—начале XXI века. Как оказалось, на рубеже второго и третьего тысячелетий, в век интернета и зарождения нанотехнологий, продолжают оставаться актуальными христианские легенды, обряды и запреты, связанные с религиозными воззрениями информантов. Равным образом духовная жизнь русского населения Литвы и в наши дни во многом определяется поверьями и обычаями, отражающими языческие мифологические представления славян. Книга «По заветам старины» включает 572 текста (этнографические репортажи, мифологические рассказы, заговоры, пословицы, загадки), сгруппированных в 15 тематических разделов: «Христос. Богородица. Крестная сила», «Праведники и грешные», «Жизненный путь», «Погребально-поминальные обряды и обычаи», «Загробный мир. Общение с умершими», «Религиозный этикет. Бытовые традиции и поверья», «Магические и целебные средства», «Шептуны (знахари) и волховиты (колдуны)», «Поверья и былички о „глазе”», «Нежить и нечистая сила», «Сказания о кладах и кладоискателях», «Поверья и былички о змеях», «Заговоры», «Рукописный сборник заклинаний», «Рассказы о бы-

* По заветам старины: Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы / Изд. подг. Ю. А. Новиков. СПб.: Тропа Троянова, 2005. 295 с. (РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Вильнюсский пед. ун-т); Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование. Т. 1: Сказки. Пословицы. Загадки / Сост. Ю. А. Новиков. Вильнюс, 2007. 567 с. (Вильнюсский пед. ун-т; Ассоциация исследователей старообрядцев Литвы); Морозова Н., Новиков Ю. Чудное Причудье: Фольклор староверов Эстонии. Тарту, 2007. 336 с. (Общество культуры и развития староверов Эстонии).